

Проблематика правової кваліфікації заворушень усередині держави та ситуацій внутрішньої напруженості

Доді Коріна

кандидат юридичних наук, доцент кафедри державно-правових дисциплін, Університет економіки та права «КРОК»

У статті досліджено питання правової кваліфікації заворушень усередині держави та ситуацій внутрішньої напруженості, а також діяльність МКЧХ стосовно цих ситуацій.

Ключові слова: міжнародне гуманітарне право, неміжнародний збройний конфлікт, заворушення, ст. 3, спільна для чотирьох Женевських конвенцій від 12 серпня 1949 р., внутрішня напруженість.

В статье исследованы вопросы правовой квалификации беспорядков внутри страны и ситуаций внутренней напряженности, а также деятельность МКЧХ касательно ситуаций такого рода.

Ключевые слова: международное гуманитарное право, немеждународный вооруженный конфликт, беспорядки, ст. 3, общая для четырех Женевских конвенций от 12 августа 1949 г., внутренняя напряженность.

The article is dedicated to researching the issues concerning legal qualification of internal disturbances and situations of internal tensions and the activity of the ICRC on these subjects.

Keywords: international humanitarian law, non-international armed conflicts, internal disturbances, internal tensions, common art. 3 to four Geneva Conventions from 12 of August 1949.

Постановка проблеми

Насиліє присуще будь-якому людському суспільству. Форми, які приймає насиліє, як у взаємодіях між окремими особами, так і цілими групами людей, дуже різноманітні: від злочинності, яку держава намагається контролювати за допомогою поліції, до повномасштабних конфліктів між організованими озброєними групами. Не існує єдиної, загальної для всіх ситуацій, характерної риси: насиліє завжди породжує страждання [1, с. 243].

Багато держав у ході своєї історії стикалися з ситуаціями внутрішньої напруженості і боротьби, які іноді були досить серйозними, що загрожувало фундаментальним інтересам держав. Ці ситуації, характеризуються актами повстань і насилія, здійсненими більш або менш організованими групами, воюючими або с

властями, або між собою, відрізняються від міжнародних озброєних конфліктів, в яких насиліє є більш інтенсивним. Для того щоб завершити такі внутрішні конфронтації і відновити порядок, влади часто вдаються до масованої допомоги поліції або навіть озброєних сил. Неизбежним результатом цього є ослаблення принципу верховенства права, відомі серйозні, широкомасштабні порушення прав людини, спричиняючи повсюдні страждання населенню [2, с. 455].

Прикладами напруженості і беспорядків є повстання, в тому числі демонстрації без узгодженого плану з самого початку; окремі випадкові акти насилія в протилежність військовим операціям, проводимим озброєними силами або озброєними групами; і інші акти подібного роду, включаючи, в тому числі, широкомасштабні арешти

людей за их деятельность или мнения [3, с. 54]. В качестве практического примера ситуации беспорядков внутри страны можно привести события, произошедшие в Молдове 7 апреля 2009 г. после объявления результатов президентских выборов. В ходе данных беспорядков были арестованы более 1 тыс. людей, которых пытали и содержали в негуманных условиях [4]. Также здесь можно упомянуть и украинские беспорядки в конце 2013 – начале 2014 г., вследствие которых пострадало огромное количество мирных людей.

Анализ последних исследований и публикаций

Проблемам касательно беспорядков внутри страны и ситуаций внутренней напряженности посвящены работы многих иностранных и отечественных ученых. Среди последних следует отметить В.Г. Буткевича, О.В. Буткевича, В.Н. Денисова, Л.Д. Тимченко, В. Гамураря, О.Н. Толочко, М.М. Гнатовського, О.В. Касинюк, Д.И. Кулебу, В.М. Репецкого, Н.В. Дремину, В.П. Базова, Т.Р. Короткого, В.М. Лисики и других.

Формулирование целей статьи

Целью статьи является осуществление юридического анализа международно-правовых актов, которые прямо или косвенно имеют отношение к ситуациям напряженности и беспорядков внутри страны, а также рассмотрение деятельности МККК в подобных ситуациях.

Изложение основного материала исследования

Первоначально, в 1864 г., международное гуманитарное право охватывало своей защитой только лиц, пострадавших в войнах между государствами. До Первой мировой войны МККК практически не проводил различия между гражданской войной и внутренними беспорядками. Первый раз МККК предпринял действия по оказанию помощи значительному числу гражданских лиц, пострадавших в ходе таких беспорядков, когда отправил припасы в Черногорию, чтобы помочь беженцам, покинувшим Герцеговину в 1875

году. Между Первой и Второй мировыми войнами делегаты МККК проводили посещения лиц, заключенных в тюрьму в связи с внутренними беспорядками или напряженностью в следующих странах: Ирландия (1923 г.), Польша (1924 г.), Черногория (1924 г.), Италия (1931 г.), Австрия (1934 г.), Германия (1935 и 1938 гг.) и Литва (1937 г.) [5, с. 14].

В своей XIV Резолюции 10-я Международная конференция Красного Креста (Женева, 1921 г.) заявила, что, Красный Крест признает, что все жертвы гражданской войны или подобных беспорядков имеют право, без всякого исключения, на помощь в соответствии с главными принципами Красного Креста.

В этом же направлении работали и последующие международные комиссии экспертов:

- Комиссия экспертов по вопросу помощи политическим заключенным, Женева, 1953 г.;

- Комиссия экспертов по вопросу о применении гуманитарных принципов в случае внутренних беспорядков (1955 г.).

Главным вопросом, который МККК поставил перед экспертами, был вопрос о том, возможно ли уточнить понятие «вооруженный конфликт» таким образом, чтобы возможно было определить момент, когда ст. 3 становится применимой с правовой точки зрения в случае внутренних беспорядков и, как следствие, возможна ли в этих ситуациях деятельность МККК в том виде, в каком она предусматривается ст. 3.

Комиссия сочла, что ситуации внутренних беспорядков с трудом вписывались в рамки защиты, предусмотренной ст. 3. Однако, ввиду того, что подобные ситуации становятся все более частыми, необходимо, чтобы у МККК была возможность действовать в них, будучи уверенным, что его гуманитарные акции не будут расценены как «вмешательство в сферу поддержания внутреннего порядка» [6, с. 112].

Для осуществления гуманитарной деятельности МККК необходимо было искать правовую базу, которая содержится в международно-правовых документах, но не в ст. 3.

По мнению Комиссии, эта база содержится в нескольких источниках:

- XIV Резолюция X Международной Конференции Красного Креста (1921 г.);

- Преамбула Гаагских конвенций 1899 и 1907 гг., которая ссылается на «принципы международного права, поскольку они вытекают из установившихся между образованными народами обычаев, из законов человечности и требований общественно-го сознания»;

- Всеобщая декларация прав человека (1948 г.), которая позволяет обосновывать деятельность Красного Креста соблюдением гуманитарных принципов при любых обстоятельствах, независимо от применимости юридических норм, содержащихся в Конвенциях;

- Уставы Международного Движения Красного Креста и Международного Комитета Красного Креста.

Статья VII Устава Международного Движения Красного Креста (1928 г.) предусматривала: «МККК будет продолжать являться нейтральным посредником, чье вмешательство признано как необходимое, особенно во время войны, гражданской войны или гражданской борьбы». Такие же положения существуют и в статье VI пересмотренного Устава Международного Движения Красного Креста (1952 г.), и в новом Уставе 1986 г. [5, с. 16-17].

Хотя Комиссия и не дала более точного определения условий применения ст. 3, которое позволяло бы распространить ее на внутренние беспорядки, но она без колебаний подтвердила необходимость деятельности МККК при любых обстоятельствах для обеспечения соблюдения основополагающих гуманитарных принципов [6, с. 114];

- Комиссия экспертов по вопросу о помощи жертвам внутренних конфликтов (1962 г.).

Данная Комиссия не сочла необходимым выработать определение «внутренних беспорядков», но высказала мнение, что совершение действий, запрещенных ст. 3, делает оправданным действия МККК, призванные положить им конец, в любое время и в любом месте. Мини-

мальные нормы, сформулированные в ст. 3, «должны соблюдаться в любом случае обеими сторонами» [6, с. 116].

Характеристика внутренних беспорядков была дана на первой сессии Конференции правительственных экспертов по вопросу о подтверждении и развитии международного гуманитарного права, применяемого в период вооруженных конфликтов, которая состоялась в Женеве в 1971 году.

Эти конференции правительственных экспертов дали следующее описание внутренних беспорядков [7, с. 14]: «К ним относятся ситуации, которые не являются немеждународными вооруженными конфликтами как таковыми, но в которых существует противостояние внутри страны, характеризующееся определенной степенью серьезности или продолжительности и актами насилия. Эти последние могут принимать различные формы, от спонтанного зарождения акций протеста до борьбы между более или менее организованными группами и властями. В таких ситуациях, которые не обязательно перерастают в открытую борьбу, власти прибегают к использованию многочисленных сил полиции или даже вооруженных сил, чтобы восстановить порядок внутри страны. Большое количество жертв обусловило необходимость применить минимум гуманитарных норм».

Что касается термина «внутренняя напряженность», то он обычно имеет отношение к:

а) ситуациям серьезной напряженности (политической, религиозной, расовой, социальной, экономической и т.д.) или

б) последствиям вооруженного конфликта или внутренних беспорядков [5, с. 12].

В обстановке внутренней напряженности использование силы государственной властью является превентивной мерой [8, с. 51].

Эти ситуации представляют одну из следующих характеристик (а возможно даже все из них): массовые аресты; большое количество лиц, задержанных по причинам безопасности; административное

задержание, особенно долгосрочное; возможное дурное обращение, пытки, материальные или психологические условия содержания под арестом, вероятно являющиеся очень пагубными для физической, умственной или моральной неприкосновенности заключенных; содержание заключенных в тюрьме без права переписки на протяжении длительного времени; репрессивные меры против членов семей лиц, находящихся в близком родстве с теми, кто был лишен свободы и упомянут выше; приостановка основных судебных гарантий либо посредством официального объявления чрезвычайной ситуации, либо через ситуацию де-факто; широкомасштабные меры, ограничивающие личную свободу, такие как высылка, ссылка, домашний арест, перемещения; заявления о насильственных исчезновениях; увеличение числа актов насилия, которые подвергают опасности беззащитных лиц или распространяют страх среди гражданского населения [5, с. 12-13].

В ходе данного Совещания МККК предложил вынести на рассмотрение экспертов вопрос о принятии «Декларации основных прав личности в период внутренних беспорядков или общественной опасности», которая бы закрепила основополагающие принципы защиты личности, которые должны будут соблюдаться в любое время и при любых обстоятельствах. В ней воспроизводились в общем виде основополагающие принципы защиты, сформулированные в ст. 3, и добавлены несколько положений, касающихся обращения с лицами, лишенными свободы, как они определены в «Минимальных правилах», установленных ООН.

Проект декларации содержал запрещение коллективных наказаний и репрессалий, а также предусматривал посещения заключенных представителями гуманитарных организаций. В нем учитывались также положения Международного пакта о гражданских и политических правах [6, с. 149-150].

Некоторые эксперты считали, что вопрос, касающийся внутренних беспорядков и напряженности внутри страны, вы-

ходит за рамки Совещания, поскольку он не относится к вооруженным конфликтам. Разработка вышеуказанной декларации тоже подверглась критике, и в конечном итоге, все предложения МККК были отвергнуты.

На XXIV Международной Конференции Красного Креста (Манила, 1981 г.) была принята новая резолюция (Резолюция №VI), которая вновь вернулась к вопросу о внутренних беспорядках и напряженности внутри страны.

В 1990 г. на встрече группы экспертов, организованной Институтом прав человека университета «Або Академи» в Турку/Або, Финляндия, была принята «Декларация о минимальных гуманитарных стандартах».

Преамбула данной декларации прямо указывает, что нормы международного права, касающиеся прав человека, и гуманитарные нормы, применяемые во время вооруженных конфликтов, не обеспечивают достаточной защиты людям в обстановке насилия внутри страны, во время беспорядков, напряженности и чрезвычайного положения в государстве. Она также напоминает, что любые отступления от выполнения обязательств, касающихся прав человека, во время чрезвычайного положения в государстве должны оставаться строго в рамках, предусмотренных международным правом.

Провозглашенные минимальные гуманитарные стандарты должны уважаться всеми лицами, группами лиц и органами власти независимо от их юридического статуса и без каких-либо различий неблагоприятного характера.

Эти минимальные стандарты являются прорывом в регулировании данной области, но, к сожалению, такие важные акты, как общая ст. 3 к Женевским конвенциям и II Дополнительный протокол 1977 г., не содержат ни определения внутренних беспорядков и напряженности внутри страны, ни даже каких-то характеризующих черт.

Комментарий к Дополнительному протоколу II иллюстрирует внутренние беспорядки и обстановку внутренней напряженности на примерах подобных

ситуаций: «Это такие нарушения общественного порядка, как демонстрации без заранее согласованного плана; отдельные и спорадические акты насилия, в отличие от военных действий, ведущихся вооруженными силами или вооруженными группами; другие действия подобного рода, включая, в частности, массовые аресты людей за их деятельность или взгляды» [21, с. 67].

В настоящей статье определение нарушений внутреннего порядка базируется на определении, данном в 1971 году. С одной стороны, нарушения внутреннего порядка, прежде квалифицируемые как «столкновения, имеющие в некотором роде значительный и продолжительный характер», могут быть непродолжительными или хроническими и порождать гуманитарные проблемы продолжительного характера. С другой стороны, могут иметь место нарушения внутреннего порядка, когда государство не вмешивается с целью восстановления порядка. Нарушения порядка принимают иногда форму столкновений между группировками, когда государство непосредственно не участвует в этих нарушениях [1, с. 16].

Суммируя вышесказанное, можем сделать вывод, что внутренние беспорядки существуют, когда, в отсутствие вооруженного конфликта, государства используют вооруженные силы для поддержания порядка; внутренняя напряженность существует, когда при отсутствии внутренних беспорядков сила применяется как превентивная мера для поддержки уважения закона и порядка [9, с. 247]. Эти ситуации предусмотрены главным образом в национальном законодательстве государств [10, с. 385].

Статья 3, общая для четырех Женевских конвенций 1949 г., как и Протокол II 1977 г. прямо предусматривают, что их нормы не применяются к беспорядкам внутри страны и ситуациям внутренней напряженности. Однако эти установления все же предоставляют дискреционное полномочие правительствам отличить вооруженные конфликты от внутренних беспорядков при отсутствии независимого междуна-

родного органа, который может решить эту проблему [11, с. 122].

В комментарии ко II Дополнительному протоколу указывается, что «эти случаи подпадают под действие международных и региональных документов по правам человека» [21, с. 69]. Среди них можно выделить следующие международные и региональные документы: Всеобщая декларация прав человека, Конвенция о предупреждении преступления геноцида и наказании за него, Конвенция о ликвидации всех форм расовой дискриминации, Международный пакт о гражданских и политических правах, Конвенция о пресечении преступления апартеида и наказании за него, Американская конвенция о правах человека, Европейская Конвенция о защите прав человека и основных свобод и т.д.

Большинство инструментов по правам человека перечисляют нормы, от которых запрещено отступать при любых обстоятельствах, даже в период кризиса [2, с. 457]. Это, как правило, нормы, подчинение которым в случае внутреннего насилия предлагает наилучшую защиту против наиболее серьезных нарушений прав человека. Нормами, к которым наиболее часто обращались, являются право на жизнь, запрещение рабства, запрещение бесчеловечного, жестокого или унижающего обращения, особенно пыток, и принцип отсутствия обратной силы уголовных законов [12, с. 43].

Международный Суд несколько раз напомнил международному сообществу о важности этих норм, которые он характеризует в качестве «элементарных соображений гуманности» [13, с. 22], и «норм, касающихся основных прав человека и которые являются неотъемлемой частью общего международного права» [14, с. 72].

Для урегулирования вопросов, связанных с произвольными задержаниями и внесудебным содержанием под стражей, а также для улучшения защиты задержанных были составлены «Стандартные минимальные правила поведения с заключенными», принятые 30 августа 1955 г. Первым конгрессом ООН по предупреждению преступлений и обращению с правонару-

шителями. Эти правила применяются без всяких различий по признакам расы, цвета кожи, пола, языка, религии, социального происхождения или политических убеждений задержанного [15, с. 326].

Как Международный пакт о гражданских и политических правах, так и региональные соглашения о защите прав человека содержат положения, гарантирующие основные права задержанных лиц и подсудимых как во время содержания под арестом, так и в судебном процессе [2, с. 458-460].

Следует обратить внимание и на ситуации, в которых правительство ничего не делает для предотвращения – и даже поощряет – осуществления насилия одними гражданскими группировками против других гражданских группировок. Это один из видов позволяемого государствами терроризма, который встречается в некоторых странах сегодня и который был широко распространен на ранних этапах эволюции фашизма в Европе.

Характерной чертой беспорядков и напряженности является то, что взаимоотношения сторон не очень ясны. В большинстве случаев не существует целой, хорошо организованной группы, которую можно назвать «диссидентской» стороной, но такая группа есть на стороне правительства. В таких условиях гуманитарное право и права человека непосредственно применяются только к правительственной стороне, но не к другим участникам, – хотя на каждого возложена общая обязанность уважать права других индивидов [16, с. 246-247].

Идея сгруппировать вместе основные права человека, как они изложены международным правом прав человека и международным гуманитарным правом, в едином своде правил, имеющем форму декларации, имела намерением улучшить защиту людей, пострадавших от внутреннего насилия, и была благосклонно воспринята государствами – членами ОБСЕ. В Московской декларации 1991 г. они отказались от своего права отступать от гарантий прав человека, закрепленных в нормативных актах, участниками которых

они являются [17]. Кроме того, на Будапештском саммите 1994 г. они подчеркнули важность декларации, излагающей минимальные стандарты, применимые во всех ситуациях. Такая декларация, которую упомянутые государства предложили принять в рамках ООН, объединила бы в себе соответствующие нормы международного права прав человека и международного гуманитарного права [18].

Трудности, связанные с применением права прав человека во время внутренних беспорядков и напряженности, происходят из того факта, что эта совокупность норм права не предусматривает системы защиты, сравнимой с той, которая создана в международном гуманитарном праве.

Во-первых, в соответствии с положениями договоров о правах человека государства в исключительных обстоятельствах могут принимать меры в отступление от своих договорных обязательств, касающихся некоторых прав человека [19, с. 499]. Даже будучи мотивированной серьезной необходимостью и пропорциональностью, возможность ограничения некоторых прав человека в чрезвычайных ситуациях неизбежно ослабляет защиту лиц. Несмотря на то, что существуют основные права человека, которые не могут быть ограничены, временное приостановление действия других прав человека может способствовать созданию ситуации, в которой эти основные права будут, вероятно, нарушены. Этот риск увеличивается, когда государство способно временно ограничить права без соблюдения формальных и материальных условий, оправдывающих такое ограничение.

Во-вторых, международное право прав человека является обязательным для государств и их представителей, которые обладают монополией на применение силы. Тем не менее, негосударственные акторы во время внутренних беспорядков могут также прибегать к насильственным действиям, которые обычно направлены против властей, но могут также быть направлены против людей и имущества, которое не имеет никакого отношения к властям. В апреле 2004 г. демонстранты расправи-

лись самосудом с мэром города Льяве в Перу. Акты самосуда были также в Боливии, Гватемале и Мексике. Степень, до которой негосударственные акторы связаны правом прав человека, представляется не очень отчетливой. Защита прав человека, следовательно, может выглядеть асимметричной, поскольку она не регулирует поведение негосударственных акторов, связанных внутренним правом, особенно уголовным правом, которое предусматривает наказание за насильственные действия против физических лиц и имущества.

В-третьих, нормы права прав человека не уделяют должного внимания особенностям отдельной ситуации, например, ситуации, предполагающей беспорядки или напряженность. Недостаток подробных имплементирующих предписаний, которые предусмотрены договорами по международному гуманитарному праву, может затруднить имплементацию вышеупомянутых норм.

Применение силы и огнестрельного оружия представляет, возможно, одну из наибольших угроз физическим лицам во время внутренних беспорядков и напряженности. Существуют стандарты, которые регулируют применение огнестрельного оружия в правоохранительной деятельности. Международные директивы включают «Основополагающие принципы по применению силы и огнестрельного оружия должностными лицами правоохранительных органов», принятые ООН

в 1990 г., и кодекс поведения для таких должностных лиц, принятый в 1979 году. В частности, эти директивы ограничивают применение огнестрельного оружия исключительными обстоятельствами, в которых такое применение является строго необходимым и неизбежным для достижения законной цели. К сожалению, огнестрельное оружие применяется произвольно во время внутренних беспорядков и напряженности, что неизбежно имеет результатом трагические последствия и обостряет насилие [20].

Выводы

Суммируя вышесказанное, можно отметить, что даже вне рамок вооруженного конфликта индивидуумы пользуются всей совокупностью норм общего права, в том числе и всеми нормами, относящимися к защите прав личности. Однако в серьезных кризисных ситуациях, в частности в ситуациях внутренних беспорядков и напряженности внутри страны, правительство использует значительные силы полиции или даже вооруженные силы для восстановления порядка. Оно может также ввести в действие чрезвычайное законодательство и приостановить действие большинства прав для устранения опасности, которая угрожает существованию нации. В то же время, государствам запрещается приостанавливать действие «неизменного ядра» прав человека, состоящего из норм, не допускающих отклонений.

Литература

1. Харрофф-Тавель М. Деятельность Международного Комитета Красного Креста в обстановке насилия внутри страны / М. Харрофф-Тавель // Защита лиц и объектов в международном гуманитарном праве. – М., МККК, 1999. – С. 241-275. – (Сборник статей и документов).
2. Momtaz D. The minimum humanitarian rules applicable in periods of internal tensions and strife / D. Momtaz // International Review of the Red Cross. – September 1998. – № 324. – P. 455-462.
3. Goldman R. K. International humanitarian law: Americas watch's experience in monitoring internal armed conflicts / R. K. Goldman // American University Journal of International Law and Policy. – 1993-1994. – Vol. 9. – P. 49-94.
4. Ziarul „Timpul” [Электронный ресурс]. – Режим доступа : www.timpul.md/article/2009/07/26/3394
5. ICRC protection and assistance activities in situations not covered by international humanitarian law // Extract from the International Review of the Red Cross. – January-February 1988. – № 262. – P. 9-37.
6. Аби-Сааб Р. Гуманитарное право и внутренние конфликты. Истоки и эволюция международной регламентации / Р. Аби-Сааб [пер. с франц.]. – М. : МККК, 2000. – 264 с.

7. *Burgos H. S.* The application of international humanitarian law as compared to human rights law in situations qualified as internal armed conflict, internal disturbances and tensions, or public emergency, with special reference to war crimes and political crimes / H. S. Burgos; [ed. by F. Kalshoven and Y. Sanodz]. // *Implementation of International Humanitarian Law / Mise en oeuvre de droit international humanitaire*. – Dordrecht, Boston, London: Martinus Nijhoff Publishers, 1989. – P. 1-30.

8. *Буше-Соленьє Ф.* Практический словарь гуманитарного права / Буше-Соленьє Ф. – М. : изд. «МИК», 2004. – 551 с.

9. *Kiwanuka R. N.* Humanitarian norms and internal strife: problems and prospects / R. N. Kiwanuka; [ed. by F. Kalshoven and Y. Sanodz]. // *Implementation of International Humanitarian Law / Mise en oeuvre de droit international humanitaire* - Dordrecht/Boston/London: Martinus Nijhoff Publishers, 1989. – P. 229-261.

10. *The manual of the law of armed conflict.* UK Ministry of Defense. – Oxford: Oxford University Press, 2005. – 613 p.

11. *Aksar Y.* Implementing international humanitarian law: from the ad-hoc tribunals to a Permanent International Criminal Court / Y. Aksar – London: New Fetter Lane, 2004. – 314 p.

12. *Gasser H. P.* A measure of humanity in internal disturbances and tensions: proposal for a Code of Conduct / H. P. Gasser // *International Review of the Red Cross*. – January-February 1988. – № 262. – P. 40-52.

13. *The Corfu Channel case (United Kingdom v. Albania)* [Електронний ресурс] / *International Court of Justice // Reports of International Court of Justice, 1949*. – Режим доступа : <http://www.ijl.org/courses/documents/CorfuChannel.UnitedKingdomv.Albania.pdf>

14. *Case concerning the Barcelona Traction, Light and Power Company, Limited (Belgium v. Spain)* [Електронний ресурс] / *International Court of Justice // Reports of International Court of Justice, 1970*. – Режим доступа : <http://www.icj-cij.org/docket/files/50/5387.pdf>

15. *Diaconu I.* *Tratat de drept international public* / Ion Diaconu – Bucuresti: Lumina Lex, 2002. – Vol. I. – 2002. – 512 p.

16. *Asbjorn E.* Internal disturbances and tensions / E. Asbjorn // *International dimensions of humanitarian law*. – Dordrecht, Boston, London: Nijhoff, 1988. – P. 241-256.

17. *Conference on Security and Co-operation in Europe, Moscow Declaration of 3 October, 1991* [Електронний ресурс]. – Режим доступа : http://www.osce.org/documents/odihr/1991/10/13995_en.pdf

18. *Report of the Sub-Commission on prevention of discrimination and protection of minorities, UN doc. E/CN.4/1997/77/Add.1, 28 of January 1997* [Електронний ресурс] / *United Nations*. – Режим доступа : <http://www.unhchr.ch/Huridocda/Huridoca.nsf/TestFrame/a99aac7862091b84c125661d0039a6e0?OpenDocument>

19. *Сассоли М. Бувье А.* Правовая защита во время войны. Прецеденты, документы и учебные материалы, относящиеся к современной практике международного гуманитарного права / М. Сассоли, А. Бувье ; [перевод с англ.]. – М., МККК, 2008. – (в четырех томах). – Т. II. Часть III : Прецеденты и документы (№ 1-68). – 2008. – 745 с.

20. *Protection of persons in situation of internal disturbances and tensions, ICRC Official Statement // Special meeting of the Committee on Juridical and Political Affairs of the Organization of American States on current issues in international humanitarian law, Washington D.C., 2 February 2006.*

21. *Комментарий к Дополнительному протоколу II к Женевским конвенциям 1949 г., касающемуся защиты жертв вооруженных конфликтов немеждународного характера* / [ред. Сардо И., Свиначски К., Циммерман Б.; перевод с англ.]. – М. : МККК, 1998. – 303 с.